

УДК 81: 373

Першукова С.В.

(г. Москва)

РОЛЬ ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ
ГЛАЗА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.А. БУЛГАКОВА
«СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»

Аннотация. В статье исследуются синтагматические возможности лексемы *глаза* и ее дериватов в произведениях М.А. Булгакова «Собачье сердце» и «Роковые яйца», способные передавать оценочное значение. Анализируются особенности функционирования лексических единиц с оценочным компонентом значения в художественном тексте. На материале произведений М.А. Булгакова дается интерпретация авторских приемов отражения компонента оценки в значении лексемы *глаза*, раскрывается его роль в формировании эмоционального, тематического и сюжетно-композиционного уровней текста, а также в выражении его идейно-художественного содержания и индивидуально-авторского восприятия действительности.

Ключевые слова: лексема, Булгаков, синтагматика, оценочный компонент значения, коннотация.

S. Pershukova

(Moscow)

THE ROLE OF THE EVALUATIVE MEANING COMPONENT OF THE
LEXEME «EYES» IN M.A. BULGAKOV'S NOVELS "HEART OF A DOG"
AND "THE FATAL EGGS"

Abstract. The article deals with the research of syntagmatic possibilities of the lexeme «eyes» and its derivatives in M.A. Bulgakov's works «The Fatal Eggs» and «Heart of a Dog» which can convey the evaluative meaning. The author analyses the peculiarities of lexical units with the evaluative meaning component in a literary text. On the material of M.A. Bulgakov's works the author presents the interpretation of M.A. Bulgakov's methods of expressing the evaluative component through the meaning of the lexeme «eyes». Besides, the article reveals its role in the formation of emotional, thematic and plot-compositional levels of the text, as well as its role in expressing its ideological and artistic content and individual author's perception of reality.

Key words: lexeme, Bulgakov, syntagmatics, evaluative meaning component, connotation.

Использование оценочно маркированного слова в художественном тексте полностью подчинено идейному замыслу писателя. Исследователи языка художественных произведений неоднократно отмечали факт, что слово общенародного языка способно «жить особой жизнью» в мире художественного текста. В соответствии с замыслом автора может измениться семантическая структура лексемы; актуализируется субъективно-прагматическое отношение автора к реалии, обозначенной лексемой. Г.Н. Склярская отмечает: «Художественный текст пронизан оценочными компонентами (и в этом одно из его принципиальных отличий от текста научного, который в идеале должен быть свободен от субъективности)» [8, с. 175]. В произведениях М.А. Булгакова оценка чаще всего выражается прилагательным, реализующим синтагматические возможности лексемы в аспекте авторской задачи, что может дополняться и усиливаться изменением формы самого ключевого слова. Проследим это на примере использования синтагматики лексемы *глаза* в произведениях М.А. Булгакова «Собачье сердце» и «Роковые яйца».

Рисуя портрет профессора Владимира Ипатьевича Персикова, Булгаков дважды обращает внимание читателя на его глаза: «*На красном носу старомодные маленькие очки в серебряной оправе, **глазки блестящие**, небольшие, росту высокого, сутуловат. Говорил скрипучим, тонким, квакающим голосом и среди других странностей имел такую: когда говорил что-либо веско и уверенно, указательный палец правой руки превращал в крючок и шурил **глазки***» [3, с. 96]. Писатель использует вместо слова *глаза* его производное – *глазки*. Данный дериват, бесспорно, выполняет эмоционально-экспрессивную функцию. С его помощью выражается авторская оценка образа персонажа, подчеркивается неприятное впечатление, производимое уже самим внешним видом профессора. Суффикс является семантически нагруженной морфемой русского языка. Так, уменьшительно-ласкательными к слову *глаз* в первом значении [2, с. 138] являются лексемы *глазок*, *глазюньки*, *глазенки*, *глазки*. Но две последние лексемы содержат в рассматриваемых произведениях выражение пренебрежительного отношения к называемому предмету [2, с. 147]. В пространстве художественного текста оценочную характеристику могут приобретать слова, которые собственно в языке никакими оценочными потенциями не обладают, а слова, маркированные с точки зрения оценки, способны по воле автора менять или уточнять знак оценки. Лексема *глазки* с отрицательной коннотацией, встречающаяся при характеристике того или иного персонажа у М.А. Булгакова, на наш взгляд, может считаться особенностью языка писателя, его идиостиля.

В следующем ниже контексте характеризуются действия другого профессора, Филиппа Филипповича Преображенского, из «Собачьего сердца»:

«Филипп Филиппович, опершись ладонями на край стола, блестящими, как золотые обода его очков, глазками наблюдал за этой процедурой и говорил взволнованно...» [4, с. 183]. «Наклоняясь, он блестящими глазками исследовал голый живот пациента» [4, с. 167]. Перед нами те же блестящие глазки, что и в описании внешности профессора Персикова. Можно предположить, что данным образным выражением Булгаков объединяет самодовольных и тщеславных персонажей своих произведений, решивших, что они вправе вторгаться в природу существования и даже менять ее по своему усмотрению. Цепочку подобных образов продолжает Александр Семенович Рокк: «Персиков хотел выразить иронию и презрение, но пришелец их не заметил, внимательно блестящими глазками всматриваясь в камеру» [3, с. 122]. «Маленькие глазки смотрели на весь мир изумленно и в то же время уверенно, что-то развязное было в коротких ногах с плоскими ступнями» [3, с. 120]. «Судя по глазкам, его поразил прежде всего шкаф в двенадцать полок, уходящий в потолок и битком набитый книгами» [3, с. 120].

Разнообразные синтагматические связи оценочно маркированного существительного *глазки* мы наблюдаем в повести «Роковые яйца» при описании внешности скандального журналиста Бронского: «Из-за спины Панкрата тотчас вынырнул молодой человек с гладко выбритым маслянистым лицом. Поражали вечно поднятые, словно у китайца, брови и под ними ни секунды не глядящие в глаза собеседнику агатовые глазки» [3, с. 104]. «Я занят, – сказал профессор, с отвращением глядя в глазки гостя, но никакого эффекта не добился, так как глазки были неуловимы» [3, с. 104]. «Вместо ответа молодой человек поклонился профессору два раза на левый бок и на правый, а затем его глазки колесом прошили по всему кабинету, и тотчас молодой человек поставил в блокноте знак» [3, с. 104]. «В глазках молодого человека мелькнула хищная радость» [3, с. 105]. Именно благодаря деривату *глазки* читатель всего лишь по нескольким фразам безошибочно определяет отрицательный знак данного типажа.

В.В. Виноградов считал, что «нет слов и языковых форм, которые не могут стать материалом для образа. Необходимо лишь, чтобы применение их в целях художественной образности было стилистически и эстетически оправдано» [5, с. 119]. В системе языка есть слова и выражения, образность которых является их постоянным и естественным свойством. Например, адъективы – это те добавляемые или «приложенные» слова, которые наиболее точно характеризуют самый предмет, наиболее ярко его показывают.

Для определения почти каждой детали внешности человека в языке есть специфические прилагательные с положительной и отрицательной оценкой. «В соответствии с общезыковой оценочной асимметрией среди прилагательных, характеризующих отдельные части тела человека, слов с отрица-

тельной оценкой представлено приблизительно в два раза больше, чем слов с положительной оценкой» [9, с. 200]. *Никаких у меня детишек нету, сукины дети, – заорал Персиков и вдруг попал в фокус черного аппарата, застрелившего его в профиль с открытым ртом и яростными глазами* [3, с. 107]. *Персиков разноцветный, иссиня-бледный, с сумасшедшими глазами, и, задыхаясь, начал кричать... Профессор сорвал одним взмахом галстук, оборвал пуговицы на сорочке, побазгровел страшным параличным цветом и, шатаясь, с совершенно тупыми стеклянными глазами, ринулся куда-то вон* [3, с. 140]. *Ничего этого профессор не читал, смотрел остекленевшими глазами перед собой и курил* [3, с. 142]. Очевидно, что адъективы *яростные, сумасшедшие, тупые, остекленевшие* и т.п. по отношению к характеристике глаз «гениального» ученого в гневе и ярости используются автором явно с целью создания сатирического образа. Создается образ человека, который провел эксперимент, нарушивший естественное течение жизни, высвободивший страшные силы, поэтому, в первую очередь, ужасен он сам, ужасны его глаза.

Кстати, в повести «Собачье сердце» появляется неожиданный образ чучела совы, которое очень раздражает Шарика. Здесь встречается прилагательное – дериват от лексемы *глаза*: «*Посередине кабинета на ковре лежала стеклянноглазая сова с распоротым животом, из которого торчали какие-то красные тряпки, пахнущие нафталином*» [4, с. 179]. По отношению к чучелу совы сложное прилагательное *стеклянноглазая* не несет в себе никакой оценочной коннотации. Но, если предположить, что образ «мудрой» птицы появился в повести вовсе не случайно, а в качестве своеобразного символа, проводящего параллель между ним и образом самого профессора Преображенского, то маркированность прилагательного *стеклянноглазая* становится вполне очевидной. «В механизмах номинации ведущая роль принадлежит сравнению. В основе вторичной номинации также лежит скрытое сравнение предмета или явления, уже имеющего вербализованную форму, с новым, номинируемым. Познавая окружающий мир, себя в этом мире, человек издавна проводил ассоциации с миром животных и растений, его окружавших. Перенос по модели «животное» → «человек» является универсальным и широко распространенным» [7].

«– *Вон, я говорю, – повторил Филипп Филиппович, и глаза у него сделались круглые, как у совы*» [4, с. 199].

С помощью оценочных прилагательных можно дать разнообразную характеристику не только отдельным деталям внешности человека, но и его внутреннему состоянию. В повести «Роковые яйца» встречается еще один портрет Персикова: *Ошеломленный Персиков развернул газету и прижался к фонарному столбу. На второй странице в левом углу в смазанной рамке глянул на него лысый, с безумными и незрячими глазами, с повисшею*

нижнюю челюстью человек, плод художественного творчества Альфреда Бронского. «В.И. Персиков, открывший загадочный красный луч», – гласила подпись под рисунком [3, с. 106]. Эпитеты безумные и незрячие отражают не столько характеристику глаз в портрете героя повести, сколько самого Персикова, совершившего свое ужасное открытие.

Чаще всего лингвисты говорят о совмещении в слове или фразеологизме экспрессивности, эмоциональности и оценочности [6, с. 37–45]. В произведениях М.А. Булгакова достаточно много примеров синтагматических комплексов, характеризующих глаза персонажей при разных обстоятельствах, описываемых автором, например в «Собачьем сердце»: «*Пес сегодня больше всего возненавидел тяпнутого и больше всего за его **сегодняшние глаза**. Обычно **смелые и прямые**, ныне **они бежали во все стороны от песьих глаз**. Они были **настороженные, фальшивые**, и в глубине их таилось нехорошее, пакостное дело, если не целое преступление*» [4, с. 182]. «*Тяпнутый, не сводя с пса **настороженных дрянных глаз**, высунул из-за спины правую руку и быстро ткнул псу в нос ком влажной ваты*» [4, с. 183]. «*У Зины мгновенно стали такие же **мерзкие глаза**, как у тяпнутого*» [4, с. 182]. «*Человек у двери **мутноватыми глазами** поглядывал на профессора и курил папиросу, посыпая манишку пеплом*» [4, с. 193]. «*Старуха указательным и большим пальцем обтерла запавший рот, **припухшими и колючими глазами** окинула кухню и произнесла с любопытством: – О, господи Иисусе!*» [3, с. 199]. «*Затем ослаб, полежал, а когда поднялся, шерсть на нем стала вдруг дыбом, почему-то в ванне померещились **отвратительные волчьи глаза**...*» [4, с. 182].

М.А. Булгаков достаточно свободно обращается с оценочной маркированностью слов, представленной в языке, поэтому в художественном тексте появляются нестандартные и парадоксальные соединения слов с противоположными оценками: «*Отвалив спинку винтыящегося кресла, Персиков в изнеможении курил и сквозь полосы дыма **смотрел мертвыми от усталости, но довольными глазами** в приоткрытую дверь камеры, где, чуть-чуть подогревая и без того душный и нечистый воздух в кабинете, тихо лежал **красный сноп луча***» [3, с. 120]. Такое сочетание можно отнести к оксюморонному типу. Вот описание глаз нечисти, полученной в результате чудовищного эксперимента в «Роковых яйцах», упоминавшееся выше как пример развернутой метафоры: «*Лишенные век, **открытые ледяные и узкие глаза сидели в крыше головы, и в глазах этих мерцала совершенно невиданная злоба***» [3, с. 132]. Несмотря на явную негативную оценку автором неизвестного существа, тут же появляется совершенно противоположное высказывание в адрес все тех же глаз: «*Настолько хороши были эти **глаза между листьями***» [3, с. 132]. Такая парадоксальность несет в себе глубокий символический смысл: соблазн часто мешает разглядеть жестокую истину (как известно, змея является символом соблазна).

Слова с оценочным компонентом значения чрезвычайно важны в плане характеристики прагматического аспекта высказывания. Ю.Д. Апресян писал о том, что в процессе конкретного речевого акта говорящий, используя слово, включенное в оценку, направляет адресату скрытый императив «отнесись хорошо» или «отнесись плохо» к объекту, названному данным словом [1, с. 159]. Многочисленные и многообразные ассоциации рождают тот особый строй булгаковских произведений, когда за сиюминутным и временным угадывается вечное. При этом важна каждая лексическая единица языка, потому что именно она является сигналом, функция которого – пробудить человеческое сознание, затронуть в нем определенные концепты, готовые откликнуться на этот сигнал.

Литература:

1. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767с.
2. Большой академический словарь русского языка: Т. 4. – М., С.-П.: Наука, 2006 (БАС). – 680 с.
3. *Булгаков М.А.* Роковые яйца // Проза. Пьесы. Письма. Образ писателя. – М.: Педагогика, 1991. – С. 95–145.
4. *Булгаков М.А.* Собачье сердце // Проза. Пьесы. Письма. Образ писателя. – М.: Педагогика, 1991. – С. 158–222.
5. *Виноградов В.В.* Сюжет и стиль. Сравнительно-историческое исследование. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 192 с.
6. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 228 с.
7. *Маркова Е.М.* Культурные коннотации вторичных номинаций при обучении русскому языку как инославянскому // Электронный журнал «Вестник МГОУ» [Сайт] – М.: МГОУ, – 2013. – №1 – URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/296>.
8. *Скляревская Г.Н.* Категория оценки: основные понятия, термины, функции (на материале русского языка) / Г.Н. Скляревская // Оценка в современном русском языке: сб. научных статей. – Studia slavica Finlandensia, t. XIV. – Hirn. – Helsinki, 1997. – С. 166–184.
9. *Смирнова Л.Г.* Лексика с оценочным компонентом значения в современном русском языке. – Смоленск, 2008. – 268 с.